

**Владимир Рогачев
Алла Байдакова**

Америка в ПЯТИ измерениях



Владимир Рогачев

Америка в пяти измерениях

«Грифон»

2013

УДК 910.4:379.85(71+73)
ББК 26.89(7Сое+Кан)+63.3(7)

Рогачев В. Н.

Америка в пяти измерениях / В. Н. Рогачев — «Грифон», 2013

Книга написана журналистом ИТАР-ТАСС Владимиром Рогачевым и его женой – Аллой Байдаковой, которые проработали в США около десяти лет. За эти годы они побывали в 38 штатах и увидели там многое, чего не найти ни в одном путеводителе. Они объехали Америку с севера на юг и с запада на восток, поднимались над ней в воздух и спускались под землю – словом, обследовали ее во всех трех пространственных измерениях. Четвертым измерением, как и в физике, стало время, проведенное в этой стране, а пятым – их видение, ощущение, восприятие Америки во всех ее проявлениях. Отсюда и родилось название этой книги. Авторы захотели рассказать об увиденном российским читателям: вдруг книга окажется не только интересной, но и полезной для тех, кто захочет отправиться в Америку и увидеть все собственными глазами. Книга рассказывает о природе, городах, дорогах, чудесах техники, а также людях, с которыми нам довелось встретиться. О политике в ней не сказано ни слова. Также как и в любой другой стране, в США есть и хорошее, и плохое. О плохом написано уже немало, поэтому авторы решили как можно меньше рассказывать об отрицательных впечатлениях, хотя это вовсе не означает, что им в этой стране нравилось решительно все.

УДК 910.4:379.85(71+73)
ББК 26.89(7Сое+Кан)+63.3(7)

© Рогачев В. Н., 2013

© Грифон, 2013

Содержание

Предисловие, которого не должно было быть	5
К читателю	7
Глава 1. Нью-Йорк	9
Глава 2. Принстон	16
Глава 3. Ламбертвилль и Нью-Хоуп	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Рогачев, Алла Байдакова

Америка в пяти измерениях

Предисловие, которого не должно было быть

Мы начинали эту книгу вдвоем.

Идея написать ее родилась в 2007 году. Тогда мы вернулись из нашей второй американской командировки и с удовольствием рассказывали друзьям о наших путешествиях по США. И неизменно слышали совет – надо обязательно писать книгу. Но мы как-то все откладывали, а потом вдруг поняли, что какие-то мелочи стали забываться. Мы даже иногда спорили, где и когда произошли те или иные события или встречи. И тогда было решено начать все записывать.

Мы перебирали наши архивы, пересматривали фотографии, перечитывали материалы, подготовленные Володи для ИТАР-ТАСС, а также репортажи, которые мы писали вместе для разных журналов и для радио. И началась работа над книгой! Писать ее было весело – мы с удовольствием вспоминали наши путешествия. Мы поняли, что для читателей наше творение может стать своеобразным путеводителем.

Когда большая часть книги была уже начерно готова, Володи не стало. И сначала мне казалось, что она так и не будет закончена. Ибо Володя был не только замечательным рассказчиком, но и великолепным редактором – и казалось, что без него закончить эту работу просто невозможно. Но потом я поняла, что ради него должна попытаться завершить нашу книгу. Что получилось – судить читателям.

Мы долго выбирали название нашей книги. Вариантов было много. Среди них мелькнуло и такое – «Четвертое измерение Америки». Нам хотелось подчеркнуть, что мы проехали США вдоль и поперек, спускались под землю и поднимались в воздух – то есть исследовали эту страну во всех трех пространственных измерениях. «Четвертым измерением» мы хотели назвать наше восприятие Америки, наши попытки постичь ее, узнать изнутри – ведь мы писали книгу именно о том, какой эту страну увидели мы. Но сразу же возник спор – а что является четвертым измерением в физике?

В теории относительности речь идет о четырехмерности Пространства-Времени. Значит, условно можно говорить о времени как четвертом измерении? На самом деле в физике все намного сложнее, и, будучи физиком по образованию, Володя хотел быть предельно точен, поэтому этот вариант как бы повис в воздухе. После его смерти мне пришлось уже самой выбирать название. Я долго перебирала все обсуждавшиеся варианты и все-таки выбрала такое – «Америка в пяти измерениях».

Поскольку книга не о физике, то в нашем случае мы будем считать именно время четвертым измерением. Ведь время имело огромное значение в наших путешествиях – все-таки они заняли целых десять лет. Будем считать, что Америку мы увидели в трех пространственных измерениях и одном временном. А пятое измерение – это наше ощущение, наше восприятие, наше видение этой страны.

И последнее. Эта книга вряд ли была бы напечатана, если бы не наши друзья. Они помогли мне пережить горе. Они заставили меня продолжать работу над книгой и стали ее первыми читателями, редакторами и критиками. Без их помощи, в том числе финансовой, я бы не справилась. Огромное им спасибо!

Особая благодарность – Лидии Арбузовой, Ольге Ашурковой и Александру Деткову, Татьяне и Алексею Бережковым, Софье и Евгению Горшковым, Елене Свекис, Александру Цибулевскому, Андрею Шитову.

А. В. Байдакова

К читателю

Чем можно оправдать появление этой книги? Сразу скажем, что жажды писательской славы и огромных гонораров за этими страницами не скрывается. Все куда прозаичнее – за десять лет журналистской работы в США мы умудрились заглянуть в 38 штатов этой страны. Кое-что, чего не найти ни в одном путеводителе, мы там увидели. А потому и захотели рассказать об этом, теша себя надеждой, а вдруг что-то окажется для кого-то полезным или интересным и кто-нибудь захочет собственными глазами увидеть нами описанное.

Нам хотелось рассказать о природе, городах, дорогах, чудесах техники, а также людях, с которым довелось встретиться. Именно это в книге главное, а политику мы оставили для других. Ясно, что в США, как и в любой другой стране, есть и хорошее, и плохое, но мы решили как можно меньше писать об отрицательных впечатлениях. Это вовсе не значит, что нам нравилось решительно все – просто о плохом в США написано и так много.

Пожалуй, именно этим мы оправдываем время, потраченное на создание книги и, возможно, на ее прочтение. Что же из этого получилось, предстоит судить смельчакам, отважившимся открыть ее.

В. Н. Рогачев, А. В. Байдакова



Глава 1. Нью-Йорк

О начале освоения Нью-Йорка, несостоявшемся портрете Ленина в Рокфеллеровском центре, сорока островах и двух тысячах мостов, уральской меди для статуи Свободы, также об обитателях острова Лонг-Айленд...

Благодаря park-way я въехал в Нью-Йорк как по маслу – это простецкое выражение будет здесь более чем уместно. Может ли выезд быть затруднительнее въезда? По-видимому, напрасно я не свернул на этот мост по правую руку, который слишком поздно заметил!

Впрочем, не хочу кривить душой. Мост я заметил вовремя, но он висел прямо в поднебесье, на огромной высоте, как проволока воздушных акробатов, работающих под куполом цирка, и показался мне таким головокружительным, что я нашел причины ехать мимо. Уговорил себя, что хочу проехать через один из прорытых под Гудзоном туннелей, над которыми проходят трансатлантические лайнеры.

С этого начались мои неприятности...

...Замечу, кстати, чтобы не забыть сказать об этом в дальнейшем, что в Соединенных Штатах вас, за редким исключением, повсюду принимают любезно. Не только французов. Не только из личных симпатий. Это дело принципа. Здесь считается, что хорошее настроение – неотъемлемая часть гигиены.

Жорж Сименон. «По Америке на автомобиле»

Наше знакомство с Америкой началось с Нью-Йорка. Собственно говоря, до этого у каждого из нас произошло свое собственное, так сказать, индивидуальное открытие Америки, но наше общее путешествие длиной в десять лет стартовало именно здесь, в 1996 году. Мы прожили в этом городе пять лет, проездив отсюда по всему Восточному побережью – от Флориды до Канады, добрались до Луизианы и Техаса. Потом мы на два года покинули Америку, а в 2002 году оказались в Калифорнии. А потом были четыре года в Лос-Анджелесе и путешествия по всему югу и юго-западу США. Из Калифорнии на машине мы переехали обратно в Нью-Йорк, проложив путь по северным штатам США. Вот так и получилось, что началось наше путешествие «вокруг Америки» в Нью-Йорке и в этом же городе и закончилось.

Потом мы долго считали, в скольких штатах побывали. Получилось, что в 38. Разумеется, некоторые мы лишь быстро проехали, например, Кентукки или Алабаму. С другими знакомство было очень коротким, как, например, с Вайомингом или Вермонтом, а третьи удалось изучить вдоль и поперек. Тем не менее, в каждом штате, где нам доводилось побывать, мы старались увидеть как можно больше, проникнуться духом этих мест, ибо американские штаты очень не похожи друг на друга.

Наши поездки по Америке начались по скромному, короткому маршруту – от жилого комплекса «Скайвью» в районе Ривердейл в Бронксе до Рокфеллеровского центра на Манхэттене, где тогда располагалось отделение ИТАР-ТАСС. С некоторой опаской и совершая обязательные для всех новичков ошибки, мы расширяли географию своих поездок. Тогда мы еще плохо понимали, как важно следовать инструкциям, указанным на висящих вдоль дорог больших зеленых щитах. И как важно встать в нужную полосу, подавив в себе недоумение по

поводу того, что поворот налево почему-то пойдет из правой полосы. Боевым крещением для новичков считается выезд с Манхэттена в районе моста Джорджа Вашингтона. Здесь полосы разделяются, и только одна из них ведет домой, в Ривердейл. Ошибка – и ты уже едешь через мост в соседний штат Нью-Джерси, другая ошибка – и ты в Южном Бронксе, районе крайне неприветливом, особенно в вечернее время. Нам кажется теперь, что мы совершили все мыслимые промахи, заезжая в самые неожиданные районы.

Мы и представить не могли, что пройдет совсем немного времени, и мы будем смело пускаться в самые дальние поездки. Невозможно было вообразить, что мы побываем в Аризоне и Нью-Мексико, Южной Дакоте и Колорадо, Техасе и Луизиане! Но уже тогда, в самом начале, только осваивая соседние штаты Нью-Джерси и Пенсильванию, мы как-то быстро поняли, что ездить по Америке на машине довольно просто и безопасно. Более того – это настоящее удовольствие! И уже очень скоро мы при каждой возможности – будь то командировка или просто выходные – садились в машину и отправлялись по одному из заранее заготовленных маршрутов. В США все приспособлено для автопутешественников. Через всю страну бегут замечательные шоссе-хайвеи, и у каждого свой номер – нечетный для дорог, идущих с севера на юг, и четный – с запада на восток. Вдоль всех шоссе обязательно существует множество зон отдыха, бензоколонок и небольших гостиниц, где можно остановиться, перевести дух, поесть или заночевать. И вдоль дорог обязательно есть указатели, информирующие о том, сколько миль отделяет вас от следующего очага цивилизации. Благодаря всему этому даже путешествия на большие расстояния в Америке вполне комфортабельны.

Ездить по хайвеям быстро и легко, но ничего особенного такое путешествие обычно не сулит – все самое интересное в Америке спрятано в стороне от столбовых дорог. Америка – очень разная. Американский Север совсем не похож на Юг, а западные штаты разительно отличаются от восточных. Отличаются законы, обычаи, речь. Единственное, что, как показалось нам, объединяет все штаты, – это люди. Американцы приветливы и доброжелательны, и встречи и беседы с ними неизменно доставляли огромное удовольствие. Нам довелось встречаться со многими знаменитостями – голливудскими кинозвездами и учеными, однако с не меньшей радостью вспоминаем мы случайные встречи в кафе, ресторанчиках, на бензоколонках. Побывали мы и в таких местах, где русских до нас никогда не видели, но ничего, кроме доброжелательного удивления, мы не встречали. Как далеко от главных дорог мы бы ни забирались, никогда не возникало чувство страха. (Правда, одному городку удалось нас напугать – и мы честно расскажем об этом.) Если мы сбивались с пути, то нам подсказывали дорогу; если ломалась машина, оказывали помощь.

Оставим в стороне политику – о ней в этой книге не будет сказано ни слова. Мы расскажем об удивительной природе – о двух океанах, о заснеженных горах, о величественных лесах, о бескрайних прериях. Мы расскажем об индейцах – об их тысячелетней истории и их сегодняшней жизни. Расскажем о соснах, возраст которых насчитывает тысячи лет. Но все это впереди, а пока мы скромно ездим по окрестностям Нью-Йорка и пешком ходим по Манхэттену. До ужасной трагедии 11 сентября еще целых шесть лет, и Нью-Йорк выглядит таким праздничным, таким уверенным в себе. По утрам он напитан запахом кофе, стаканчик с которым обязательно покупается по дороге на работу. Здесь звучит на улицах музыка – и не важно, играет ли безвестный уличный музыкант или звезда, приглашенная выступить в одном из крохотных сквериков Рокфеллеровского центра. Нью-Йорк середины 90-х деловит и подтянут, но одновременно и слегка легкомыслен. Честно говоря, это был удивительный город! Пройдет шесть лет, и трагедия изменит его навсегда. Вернувшись в него в 2006 году, мы были потрясены переменой. Город-праздник как будто потух, и казалось, что боль от страшной раны на том месте, где когда-то высились гордые башни-близнецы, отдается по всему Нью-Йорку.

Но в 1996 году площадь рядом с башнями Всемирного торгового центра была веселым местом. Сюда обязательно приезжали туристы, бросали монетки в фонтан и, собравшись с

духом, поднимались на смотровую площадку на крыше одной из башен, с которой открывался великолепный вид на город. Весь Манхэттен как на ладони, и прекрасно просматриваются и остальные районы Нью-Йорка – Бруклин, Куинс, Бронкс и Стейтен-Айленд. Манхэттен сверху кажется совсем маленьким, да он и правда небольшой – всего 21 километр в длину и 3,7 километра в ширину в самом широком месте. Его легко обойти пешком, правда, исключив для прогулок самую северную часть – Гарлем, поскольку гостеприимным этот район не назовешь. На короткие расстояния по Манхэттену проще ходить пешком, ибо на машине больше времени проведешь в пробках. А прогулка с юга Манхэттена, где стояли башни-близнецы, до его середины части – мидтауна – где расположен Рокфеллеровский центр, заняла, к нашему разочарованию, меньше трех часов.

Сам Рокфеллеровский центр, построенный в 30-х годах прошлого века, – место просто замечательное. Это – 19 небоскребов, включая 70-этажное здание «Дженерал электрик» и здание Ассошиэтед Пресс, ставшее почти родным, поскольку здесь на пятом этаже находилось отделение ИТАР-ТАСС. Причем отделение ТАСС жило здесь с 30-х годов. Но несколько лет назад агентство Ассошиэтед Пресс переехало из этого здания в новый офис на 33-й улице. Переселилось на новое место и представительство ИТАР-ТАСС.

Рокфеллеровский центр задумывался его создателями – семьей Рокфеллер – не только как деловой центр, но и как центр искусств. Были приглашены известнейшие скульпторы и художники, и они внесли свой вклад в оформление нового комплекса. Среди украшающих центр скульптур наиболее известен, безусловно, золотой «Прометей» Пола Мэншипа, парящий над знаменитым катком. Для росписи холла здания «Дженерал электрик» (тогда это было здание компании RCA), которое является центром всего комплекса, был приглашен Диего Ривера. Но тут, говорят, вышел скандал, потому что мексиканский художник изобразил на фреске первомайскую демонстрацию в Москве и даже добавил портрет Ленина. Несмотря на уговоры Рокфеллеров, заменить Ленина какой-либо другой исторической фигурой Ривера категорически отказался, и фреска была уничтожена. Московский Первомай был заменен фреской испанского художника Хосе Серта «Американский прогресс».

У Рокфеллеровского центра есть также и подземный этаж – это разветвленная сеть галерей, заполненных магазинчиками, кафе, ресторанами. Здесь есть вход в метро, почта и многое другое. Это – настоящий лабиринт, охватывающий своими проходами площадь от 5-й до 7-й авеню и от 47-й до 51-й улицы. Для ТАССовских корреспондентов эти ходы были весьма полезны – в дождливую погоду они позволяли, не выходя на улицу, добраться до специальных парковок для прессы. Эти парковки были большим подспорьем для наших журналистов, так как найти место для машины в Нью-Йорке чрезвычайно сложно. Существует, однако, один минус – время стоянки на них ограничено, и достаточно опоздать на несколько минут, чтобы обнаружить под «дворником» ярко-оранжевый листок, уведомляющий о необходимости оплатить штраф. Можно, конечно, покорно заплатить, но можно и оспорить решение полицейского в суде – и даже сделать это по почте, чем регулярно занимались все журналисты, причем довольно успешно. Но и на этих парковках места для всех не хватало, и конкуренция здесь существовала жесткая – о журналистской солидарности никто и не вспоминал. Машины стояли бампер в бампер, и если освобождалось место, то в него мгновенно начинала втискиваться машина. Умение парковаться в Нью-Йорке – это великое мастерство. Зато нью-йоркскую машину легко узнать не только по номерам, но и по избитому и исцарапанному бамперу. Если журналисту долго не удавалось вписаться в крохотное место, то неизменно появлялись доброжелатели, готовые помочь советом, правда, не всегда безвозмездно. У парковки на 7-й авеню регулярно дежурил пожилой негр. Завидев парковочные страдания российского журналиста, он начинал радостно кричать по-русски: «Давай, товарищ!» Оказав посильную помощь, неизменно просил за свои труды доллар.

Несмотря на обилие небоскребов, стоящих близко друг к другу, Манхэттен никогда не производил на нас впечатления «каменных джунглей». Здесь очень много крохотных парков, спрятанных между зданиями. Правда, и «парками» эти маленькие оазисы назвать трудно – обычно это несколько деревьев и какой-нибудь фонтанчик или водопад. А вот весь центр Манхэттена – действительно большой парк. Тот самый знаменитый Центральный парк – огромный зеленый прямоугольник площадью более 300 гектаров, который «снимался» в огромном количестве фильмов. Вообще удивительно, что в центре огромного современного города, где небоскребы порой стоят буквально вплотную, подпирая друг друга, а стоимость земли достигает чуть ли не заоблачных высот, существует большой парк, тихий и уютный. Здесь, в спокойном и уютном уголке природы, привольно чувствуют себя белки и многочисленные пернатые. В любое время года в парке полно детворы и домашних ухоженных собак, важно выгуливающих своих хозяев. Здесь можно полежать на траве, сыграть партию в шахматы или шашки, побродить по небольшому, но очень симпатичному зоопарку. На территории парка расположены игровые площадки, два катка, теннисные корты. Центральный парк – это 96 километров пешеходных дорожек, 1400 видов деревьев, кустарников и цветов, пруд с различными видами рыб.

Правда, он не всегда был таким. В истории открытого в 1873 году парка были как взлеты, так и падения. В конце 70-х годов прошлого века из-за отсутствия денег в городской казне он являл собой печальное зрелище и тихо приходил в полный упадок. Возможно, он превратился бы в свалку, если бы не нашлись такие энтузиасты, как писательница Бетси Барлоу Роджерс, окончившая в свое время Йельский университет по специальности «городское планирование». Именно ей принадлежала идея создать для управления парком организацию, которая получала бы средства от частных спонсоров, а не из бюджета Нью-Йорка. Ни один парк в стране не содержался таким образом, и предложение Роджерс было воспринято с недоверием. Однако это ее не остановило, и она направила свой план тогдашнему мэру города Эдварду Кочу. Терять было нечего, и был учрежден фонд – Central Park Conservancy, в который стали выделять средства состоятельные горожане и крупные корпорации. Из всех полученных средств только 20 процентов идут на административные нужды, все остальные тратятся на поддержание и обновление парка. Спонсоры дают деньги и на отдельные проекты, и в знак признательности на карте парка появляются их имена.

Практически весь Нью-Йорк (за исключением Бронкса) лежит на больших и маленьких островах общим числом около сорока. Манхэттен – это остров, и Стейтен-Айленд – это остров, а Куинс и Бруклин занимают западную часть острова Лонг-Айленд. Все они соединены мостами и туннелями, которых насчитывается 2027. Самым знаменитым, наверное, стоит считать Бруклинский мост, соединяющий Манхэттен и Бруклин. До 1883 года он еще и носил титул самого длинного подвесного моста.

До некоторых островов, как, например, до знаменитого Либерти-Айленд, на котором стоит статуя Свободы, можно добраться только на пароме. А вот к соседнему острову Эллис, где находится Музей иммиграции, построили от материка мост, но он используется лишь в служебных целях. Так что обычные туристы могут сюда приплыть только морем, так же как и многие поколения иммигрантов, прибывавшие в Америку. Ведь именно здесь более 150 лет находился основной пункт приема иммигрантов. Мало кто знает, что когда-то давно рядом был еще третий остров, именованный Блэк-Том. В начале XX века его купила железнодорожная компания и засыпала узкий пролив, отделяющий остров от материка, и построила на нем склады. Во время Первой мировой войны они использовались в военных целях. В воскресенье, 30 июля 1916 года, в два часа ночи жители Нью-Йорка и соседствующего с ним через реку Гудзон штата Нью-Джерси были разбужены мощнейшим взрывом, за которым последовало несколько более слабых. На Манхэттене во многих домах повывлетали стекла, а отголоски взрыва были слышны даже в Филадельфии, расположенной более чем в часе езды от Нью-Йорка. Как выяснилось позже, взорвались склады с боеприпасами, предназначенными для

отправки в охваченную войной Европу. Мощность толчка, потрясшего в эту ночь Нью-Йорк, как подсчитано, была эквивалентна землетрясению с магнитудой 5–5,5 балла по шкале Рихтера. Диверсию на складах, как позже установило следствие, осуществили немецкие шпионы.

Точное число жертв этого «акта саботажа», как именовали тогда подобные события, неизвестно. Считается, что погибли около 10 человек и сотни получили ранения. Общий ущерб составил 20 миллионов долларов – сумма по тем временам просто астрономическая. Пострадала и статуя Свободы, находившаяся в непосредственной близости от взрыва, – ее всю изранило осколками. Наиболее серьезные «ранения» получила рука с факелом. С тех пор доступ для посетителей в эту часть статуи закрыт, хотя там есть и лестница, и смотровая площадка, которые используются теперь только техническим персоналом. Просто удивительно, что она вообще устояла в страшном взрыве – ведь, несмотря на свою кажущуюся массивность, она весьма хрупка. Возвели ее из тонких листов меди толщиной немногим более 2 миллиметров. Кстати, инженерное решение конструкции принадлежит Гюставу Эйфелю, имя которого известно всем благодаря знаменитой башне в Париже. Именно Эйфель и его помощник спроектировали мощную стальную конструкцию, которая позволяет нежной медной «коже» статуи колебаться под воздействием температур и ветра, но не разрушаться.

На создание фигуры пошла 31 тонна меди. И вот здесь возникает вопрос – откуда появилась эта медь? Во Франции, где и изготавливалось творение скульптора Бартольди, крупных месторождений меди нет. Есть предположение, что медь эта была закуплена в России. Согласно одной версии, медь была отлита на знаменитом медеплавильном Воскресенском заводе купцов Твердышевых и Мясниковых на реке Торе в Башкирии. Именно по этой реке в то время караваны меди сплавлялись с Урала на Балтику, а уже оттуда в Европу. Согласно другой версии, медь была произведена на заводе Демидовых в Нижнем Тагиле. На интернет-сайте Высокогорского горно-обогатительного комбината, как теперь именуется это предприятие, без всяких сомнений сказано: «Наша медь брала Гран-при на всемирных выставках. Французы были столь восхищены качеством тагильского металла, что применили его для облицовки самой знаменитой статуи в мире. Создавая символ Соединенных Штатов Америки, скульптор Бартольди выбрал для статуи Свободы медь, привезенную с далекого Урала». Честно говоря, мы не смогли найти какого-либо другого подтверждения российского происхождения меди, использованной для создания статуи Свободы. Но выглядит это предположение весьма правдоподобно.

Прочитав о медеплавильных заводах Урала, мы взглянули на статую Свободы совсем иными глазами. Стоя на причале в парке Бэттери, мы представляли себе, как медь, добытая на русских рудниках, отправлялась на баржах реками и морем в Европу; как во Франции из нее рождались тончайшие листы и с помощью деревянных форм чеканились детали будущей статуи. Потом они упаковывались в ящики и отправлялись в далекое плавание за океан. Позже на острове Бедлоу, как раньше именовался остров Либерти, встала гордая женская фигура, символизирующая свет свободы. Проходят годы, уральская медь покрывается благородным слоем патины. И эту патину срывают осколки взрыва немецких диверсантов в годы Первой мировой войны. Но израненная «Леди Свобода» не знает, что ее ждет еще более страшное испытание – наступит век XXI, и рядом с ней вспыхнут адскими погребальными кострами две башни небоскребов, унося тысячи человеческих жизней... Как все удивительно сплелось в этой истории – и времена, и страны.

Но на дворе еще пока конец 90-х, и два близнеца Всемирного торгового центра гордо высятся над парком Бэттери. По заливу деловито носятся экскурсионные пароходики и паромы. В конце зимы в Нью-Йорке часто бывает пасмурно, вот и в тот день над заливом висела легкая дымка, как бы размывавшая очертания статуи Свободы. Зеленоватая медная патина будто растворялась в серо-голубом зимнем тумане, придавая пейзажу благородные холодные тона.

Отсюда мы совершили свое первое путешествие в еще один округ Нью-Йорка, а именно на Стейтен-Айленд. Это – самый обособленный район Нью-Йорка, считающий себя чуть ли не отдельным городом. Но к этому примешивается и чувство обиды на городские власти Нью-Йорка, которые якобы уделяют Стейтен-Айленду меньше внимания, чем Манхэттену и другим округам. Не радовало местных жителей и то, что на территории их округа размещалась знаменитая огромная свалка, которая одно время считалась крупнейшей в мире. Ежедневно сюда приходило по двадцать барж, каждая из которых доставляла 650 тонн мусора со всего Нью-Йорка. В 2001 году свалка была уже на 25 метров выше, чем статуя Свободы, и тогда ее по требованию местных жителей и при поддержке экологов закрыли. Сейчас на этом месте создается большой парк. А вообще, главной достопримечательностью Стейтен-Айленда является исторический комплекс Historic Richmondtown – большой «живой» музей, полностью воссоздающий атмосферу поселения XVIII–XIX веков. Здесь сохранилось даже здание, построенное в 1695 году.

Наступило и время для первых вылазок за пределы Нью-Йорка, и мы отправились на Лонг-Айленд, самый большой остров континентальной части США. Конечно, мы уже бывали здесь – мы ведь даже ступили на американскую землю именно на острове, ведь здесь находится международный аэропорт имени Кеннеди. Не один раз были мы и в Куинсе и Бруклине. Но так сложилась, что население этих округов не считает себя жителями Лонг-Айленда. И когда говорят «Лонг-Айленд», то обычно имеют в виду его обширную восточную часть – округа Нассау и Саффолк. Многие из тех, кто работает на Манхэттене, живут на Лонг-Айленде и тратят довольно много времени на дорогу. Но это никого не останавливает. Жить на Лонг-Айленде – это значит жить рядом с океаном, а это дорогого стоит. Здесь обитает американская аристократия, а округ Нассау вообще считается третьим среди самых богатых округов США.

Но самым удивительным для нас было то, что здесь, по южному берегу Лонг-Айленда, тянутся пляжи, которые имеют статус парков штата и доступны для всех желающих. От Нью-Йорка сюда ехать меньше часа, но ты попадаешь совершенно в иной мир, где природа бережно охраняется. Летом на ближайшем к Нью-Йорку пляже Джонс-Бич многолюдно, но чем дальше вы поедете по берегу, тем более дикими будут места. Уже на следующем пляже – Сидар-Бич – отдыхающих гораздо меньше. И здесь мы увидели удивительную сценку. У небольшого домика, где размещаются раздевалки и душ, стояла очередь. Причем она вела как бы в никуда – просто организованно стояли люди и чего-то ждали. Зачем? Куда может стоять очередь на пляже? Догадаться невозможно. Все стало понятным, когда подошло некое транспортное средство, куда все погрузились и поехали к воде. Оказалось, что по местным меркам на Сидар-Бич парковка находится слишком далеко от воды – примерно в 200 метрах. И вот для тех, кому тяжело идти по песку, ходит шаттл.

Зимой на пляжах Лонг-Айленда никаких удобств нет. Закрываются душевые, и деньги за парковку уже не взимаются. Считается, что все закрыто до весны. Но никто не запрещает приезжать сюда. И вот тогда у вас есть возможность побыть наедине с океаном. Как-то мы приехали на Сидар-Бич зимой. Накануне был сильный шторм, а в тот день светило солнце. Мы были здесь одни! И это совершенно непередаваемое ощущение, когда ты оказываешься наедине с таким величественным чудом, как океан. На берег выбросило множество раковин, причем не обычных для местных пляжей двустворок, а округлых и закрученных моллюсков-трубачей, именуемых здесь knobbed whelk или *Bususon carica*. А на пляже Мозес-Бич в любое время года можно встретить оленей. Людей они совершенно не боятся и занимаются откровенным попрошайничеством. Подкармливать их запрещено, и об этом предупреждают многочисленными плакатами, но и люди, и олени их игнорируют. Разгуливают здесь и серые канадские гуси, отказывающиеся улетать обратно в Канаду, – об этих пернатых мы потом расскажем в другой главе. В кустах мелькают кролики, и однажды весной мы были свидетелями настоящего кро-

личьего беби-бума – крольчат народилось так много, что их уши буквально торчали из травы на каждом шагу, что выглядело весьма комично.

На Лонг-Айленд мы были готовы ездить каждые выходные. Однако настало время выбраться и за пределы штата Нью-Йорк!

Глава 2. Принстон

О любви с первого взгляда и великих физиках, исландском баране Линди и старых гостиницах, «Борисе Годунове», Мейерхольде и Прокофьеве, а также о некоторых паранормальных явлениях...

Он сразу полюбил Принстон – его ленивую красоту, не до конца понятную значительность...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. «По эту сторону рая»

И вот наступил день, когда мы решили, что готовы, наконец, заглянуть и в соседний штат. Благо дело, надо для этого было всего лишь форсировать (по туннелю или мосту) водную преграду – Гудзон. На его противоположном от Нью-Йорка берегу лежал штат Нью-Джерси. Причин, в силу которых ему предстояло «пасть» первым при освоении нами Америки, было две: во-первых, географическая близость, а, во-вторых, образование физика у одного из авторов. Еще со школьной скамьи мы знали, что где-то в Америке есть удивительный город Принстон, на улицах которого буквально не протолкнуться от ученых, которые уже стали великими или буквально завтра обретут этот статус.

Как показал эксперимент, дорога до цели нашего первого «заштатного», т. е. выводящего за пределы Нью-Йорка, путешествия была весьма простой и, заняв около часа, покорилась с первой попытки. После колоссального Нью-Йорка Принстон кажется особенно маленьким, но именно здесь обосновался один из лучших университетов Америки – Принстонский, входящий в знаменитую Лигу плюща, а также известный на весь мир Институт перспективных исследований.

Сам Принстон – городок тихий и уютный, несущий легко ощущаемый неповторимый шарм интеллектуальной надменности. Как было у других, не знаем, но для нас это стало любовью с первого взгляда – раз и навсегда. Мы потом возвращались сюда много раз. Причем любовь эта, как нам кажется, оказалась взаимной, ибо этот городок каждый раз дарил нам что-то новое, необыкновенно интересное. А на прощание он неожиданно преподнес вообще незабываемый сюрприз, но об этом позже.

Принстон состоит из построенного в старом английском стиле университета, где хозяйничают шумные стаи студентов, и, собственно, самого города. Граница проходит по главной улице – Нассау-стрит. По одну ее сторону стоят обвитые плющом старые университетские корпуса из темного кирпича, среди которых выделяется Нассау-Холл, старейшее здание Принстона, где сейчас обитает администрация университета. Здесь же высится Принстонская университетская церковь – одно из самых красивых зданий кампуса. Конечно, университет богат и современными строениями из стекла и бетона, но они столь умело вписаны в особенности ландшафта и скрыты растительностью парка, что их порой трудно и заметить.

По другую сторону границы, через которую неустанно порхают обитатели студенческого городка, расположился собственно сам город, его жилые и административные здания, крупные и мелкие магазины, рестораны и, как правило, заполненные с самого утра студентами кафе. Тут поселились самые разные, но имеющие каждый свой колорит магазины. Из них самый, на наш взгляд, необычный пристроился почти напротив Нассау-Холл, и, несмотря на скромные размеры, миновать его невозможно. Идя по городской стороне улицы Нассау-стрит, вы обязательно натолкнетесь на грустно стоящего поперек тротуара мохнатого барана с роскошными рогами. Он, конечно, не живой, а привлекающее прохожих уже не один десяток лет и устав-

шее от работы чуело. Об этом предупреждает трогательная надпись: «Не садитесь на Линди, он старый и слабый». Линди – талисман магазина «Ландау», который торгует изделиями из ирландской, шотландской и исландской шерсти. Здесь можно купить роскошные клетчатые пледы и шарфы, а также потрясающие кепки из твида. Этот семейный магазин (а фамилия хозяев – Ландау) существует в Принстоне уже почти 60 лет. Исландский баран не случайно стал талисманом магазина – в 80-х годах прошлого века семья Ландау ввозила из Исландии так много шерстяных вещей, что стала там хорошо известна. И когда в США с официальным визитом приехала президент Исландии Вигдис Финнбогадоттир, то на обед в Нью-Йорке были приглашены и супруги Ландау. Говорят, что когда они подошли к госпоже президенту и представились, то она радостно воскликнула: «Да, конечно, вы – та самая шерстяная семья!» Так их с тех пор и величают – The Wool Family.

Весь магазин заполнен теплыми, мягкими, пушистыми вещами, которые непременно хочется потрогать, померить и, конечно, купить. Кстати, цены здесь весьма доступные. Когда же заходишь в самую глубь магазина, то невольно обращаешь внимание на фотографии, развешанные здесь по стенам. Практически на них на всех – Альберт Эйнштейн. И у этой маленькой выставки есть своя история.

В 1994 году в Принстоне снимался фильм I.Q., одним из главных героев которого был Альберт Эйнштейн в исполнении Уолтера Мэтгау. И члены семьи Ландау решили на время съемок фильма организовать в своем магазине выставку, посвященную великому физику, прожившему в Принстоне более 20 лет. Они обратились ко всем жителям города с просьбой одолжить им на время вещи, которые могли бы стать экспонатами. Откликнулись сотни людей – например, почтальон, который приносил почту в дом Эйнштейна, и сантехник, который что-то ремонтировал в его доме. Одна принстонская дама передала на выставку бесценный сувенир – автограф Эйнштейна, который он дал ей в 1934 году, когда она была маленькой девочкой.

Тысячи людей посетили выставку за полгода ее существования. Потом съемки, а за ними через несколько месяцев и выставка, закончились. Все экспонаты вернули хозяевам. Но кое-что осталось – вот эти вещи и хранятся до сих пор в глубине магазина «Ландау». Хозяева магазина утверждают, что это – единственная в США постоянная экспозиция, посвященная Альберту Эйнштейну. Кстати, в 2005 году в Принстоне все-таки поставили памятник великому физику.

Мы частенько заходили в этот магазин. Однажды одна из продавщиц с любопытством поинтересовалась, откуда мы. Мы сказали, что из России, но работаем и живем в Нью-Йорке. Ее ответ нас поразил – она нисколько не удивилась, что в ее магазин пришли покупатели из далекой России, однако выразила свое сочувствие, что нам приходится жить в Нью-Йорке. «Почему?» – несколько ошарашенно спросили мы. «Да ведь там просто сумасшедший дом! – ответила она. – Я всего один раз побывала в Нью-Йорке, пришла в ужас и больше никогда туда не ездила». Напомним, что Принстон расположен всего в часе езды от Нью-Йорка.

Надо сказать, что нашим путеводителем по Принстону стала небольшая заметка в одной нью-йоркской газете. Тогда там была еженедельная рубрика «Путешествие на один день», рассказывающая о местах, расположенных в часе-двух езды от Нью-Йорка. В этих замечательных «мини-путеводителях» не только прокладывался оптимальный маршрут, но и подробно описывалось, что стоит там посмотреть. А кроме того, предлагались лучшие – с точки зрения автора рубрики – кафе и ресторанчики, гостиницы и экскурсии. Кстати, советы автора рубрики всегда были очень толковыми, в чем мы неоднократно убеждались позже. В Принстоне, например, благодаря этой рубрике нам удалось отобедать в замечательном мексиканском ресторане Tortuga's Mexican Village, где потрясающе вкусно готовят. Но найти этот ресторанчик, расположенный на небольшой улочке в стороне от центра, просто так невозможно. Поэтому туристов в нем нет, а собираются только свои, которые обязательно приносят с собой пиво, поскольку спиртное здесь не подают.

Принстон – город маленький и какой-то очень сплоченный. Его жители любят разные праздники и фестивали (например, джазовый, на который собирается полгорода). Университетская выпускная церемония проходит на лужайке перед Нассау-Холлом, и здесь же горожане встречают Новый год. Пройдет четыре года после нашего первого приезда в этот город, и мы вернемся сюда встречать вместе с ним наступающий 2000 год. Предварительно мы позвонили в университет и мэрию, и нам сказали, что никаких особых торжеств не планируется – все будет как обычно. Может быть, для жителей Принстона так оно и было, но нам – москвичам – происходившее казалось совершенно удивительным. Сначала горожан пригласили в университетскую церковь на службу. По ее окончании мы собрались было уходить, однако увидели, что никто с мест не встает. Задержались и мы. Каково же было наше удивление, когда на смену священнику и хору вышли джазовые музыканты и дали великолепный концерт. Джаз в католическом храме почему-то звучал торжественно, но одновременно и очень празднично.

Но вот джаз затих. В церковь вошел волынщик в шотландском наряде. Зазвучала незнакомая нам красивая мелодия, все присутствующие встали и вслед за музыкантом вышли из церкви. Волынщик привел нас на лужайку перед Нассау-Холлом к накрытым столам с простым угощением – яблоками, печеньем, конфетами. Никаких алкогольных напитков не предлагалось, хотя, как мы потом убедились, у многих «с собой было». Собравшихся поздравили представители городских властей и университета, а потом начался праздник – звучала музыка, а на огромных экранах можно было видеть встречу Нового года в разных точках планеты. Торжество продолжалось примерно до часа ночи, а потом горожане стали расходиться по домам. Отправились в свою гостиницу и мы.

А гостиница у нас была непростая – мы специально выбрали ее для этого торжественного случая. Несмотря на то что вокруг Принстона разбросано множество гостиниц, в самом городе их всего две. Это «Нассау-Инн», расположенная в самом центре города, и «Пикок» (т. е. «Павлин»). Эти гостиницы, очень старые и уважаемые, прекрасно отвечают духу, царящему в Принстоне. Обе гордятся тем, что в них останавливались многие знаменитости. Так, гостями «Павлина» были Альберт Эйнштейн и Фрэнсис Скотт Фицджеральд.

Идея пожить именно в той гостинице, где останавливался Эйнштейн, показалась нам очень заманчивой. Мы заказали номер в «Павлине», насчитывающем всего 16 номеров и расположенном на почти сельской, тихой улочке несколько в стороне от центра. Увы, служащие так и не смогли сказать, жил ли Эйнштейн в том номере, который достался нам, но очень хотелось в это верить. Втайне мы даже надеялись, что удастся увидеть призрак какого-нибудь из знаменитых постояльцев, но наши надежды так ими и остались, нас никто не потревожил. Видимо, великие привидениями не становятся.

Альберт Эйнштейн был вынужден жить в гостинице в Принстоне до 1935 года, пока не купил дом по адресу: 112, Мерсер-стрит, совсем рядом с Институтом перспективных исследований. В этом научном институте, тесно связанном с Принстонским университетом, он проработал до своей смерти в 1955 году. Найти дом Эйнштейна, зная адрес, труда не составляет, но никаких мемориальных досок или других опознавательных знаков на нем нет. Нас даже предупредили, что нынешние хозяева совсем не приветствуют появление туристов, начинающих мельтешить вокруг и все подряд снимать на свои камеры.

Неподалеку жил и другой известнейший сотрудник этого института – Роберт Оппенгеймер. На соседней крохотной улочке под названием Бэтл-Серкл-роуд живет физик Фримен Дайсон, один из создателей квантовой электродинамики и автор концепции Сферы Дайсона – также сотрудник Института перспективных исследований. А рядом находится дом, принадлежавший изобретателю телевидения, выходцу из России Владимиру Зворыкину. Об этих людях написаны и пишутся сотни книг, и нет никакого смысла пытаться конкурировать с авторами этих исследований. Можно лишь предположить, что великим – и раньше, и сейчас – легко

решать загадки природы под ветвями вековых деревьев Принстона на его зеленых, тихих и уютных улочках.

Наверное, нужно сказать несколько слов и о другой гостинице города – «Нассау-Инн». Она куда больше «Павлина» – в ней 203 номера – и расположена в самом центре города, на площади Палмер-сквер. Особая гордость отеля – небольшой ресторан «Янки Дудл», одну из стен которого украшает панно работы известного американского художника Нормана Рокуэлла. На стенах – фотографии самых знаменитых выпускников Принстонского университета. Причем снимков немного – видимо, отобраны «самые-самые». Не так давно там появилась новая фотография – с нее смотрит выпускница 1985 года Мишель Обама. Но, на наш взгляд, наиболее интересное в этом ресторане – его столы. На массивных деревянных столешницах выпускникам университета разрешается вырезать свои имена и год окончания, а потом это «художество» покрывается лаком.

Мы не будем писать и о самом Принстонском университете, поскольку достаточно открыть любой справочник, и вы увидите список громких имен – тех, кто окончил этот университет и кто работал здесь. Среди них – 33 лауреата Нобелевской премии, в том числе писатель Юджин О’Нил и физик Ричард Фейнман. Напомним имя еще одного выпускника – математика Джона Нэша, лауреата Нобелевской премии по экономике, который живет и работает в Принстоне. Это о нем написана книга и снят фильм *A Beautiful Mind* («Игры разума»), причем съемки проходили именно на территории университетского городка, а некоторые преподаватели даже снимались в массовках. Кстати, если учесть, что на счету Института перспективных исследований 26 нобелевских лауреатов, то можно понять, сколь велик вклад маленького города Принстон в мировую науку.

Однако Принстонский университет знаменит не только своими успехами в области естественных наук. Преподавание гуманитарных наук ведется в нем на самом высоком уровне. И очень большое внимание уделяется искусствоведению и исполнительским искусствам. Нам посчастливилось увидеть собственными глазами результат реализации одного из проектов – на наш взгляд, удивительного, необычного и интересного.

Итак, задание для студентов – поставить спектакль, который никогда раньше не играли на сцене. Спектакль, который был задуман более 70 лет назад, отрепетирован, но не сыгран. Спектакль, для которого была написана великолепная музыка, никогда не исполнявшаяся. Студентам Принстонского университета предлагалось воплотить на сцене замысел Всеволода Мейерхольда, который готовил к отмечаемому в 1937 году 100-летию со дня смерти Пушкина постановку его драмы «Борис Годунов». Режиссер намеревался поставить драму во всей полноте – по тексту Пушкина 1825 года, еще не подвергшемуся царской цензуре, а не по каноническому варианту 1831 года. В спектакле должна была звучать новая музыка, с просьбой написать которую Мейерхольд обратился к Прокофьеву. Уже прошли первые репетиции, и постановка должна была получиться яркой, пронзительной и современной, но судьба распорядилась иначе. В 1937 году театральная деятельность Мейерхольда подверглась разгромной критике, и затем его театр закрыли. В 1939 он был арестован, а годом позже расстрелян. Но в архивах, в том числе в Российском государственном архиве литературы и искусства, сохранились записи, сделанные Мейерхольдом в ходе репетиций спектакля, и ноты Прокофьева.

Идея поставить мейерхольдовского «Бориса Годунова» принадлежала двоим замечательным людям – профессору славянских языков и литературы, известному пушкинисту Кэрил Эмерсон и профессору музыки Саймону Моррисону, одному из крупнейших американских экспертов по творчеству Прокофьева. Кэрил Эмерсон рассказала нам, что проект стал возможен благодаря трем факторам – интересу со стороны руководства университета, многомиллионному финансовому дару от одного из его выпускников и совпадению интересов зачинателей проекта. «Так сложилось, что был эксперт по Прокофьеву, был человек, увлеченный “Борисом Годуновым”, и были фонды и ресурсы – одним словом, можно считать, что в Принстоне у этой

идеи было три автора», – сказала она. И еще она подчеркнула, что поскольку спектакль Мейерхольда так и не увидел свет, то речи о восстановлении постановки не было. «Поскольку мы не знаем, чего хотел добиться Мейерхольд, мы взяли на себя смелость представить, что бы он сделал, доживи до 2007 года», – пояснила она.

В общем, эта идея вылилась в масштабный научный проект, в котором приняли участие несколько факультетов и центров, включая Центр творческих и исполнительских искусств, факультет музыки, факультет славянских языков и литературы, факультет архитектуры, а также университетский оркестр и камерный хор. Открыли проект старшекурсники факультета архитектуры, создавшие осенью 2006 года декорации в стиле Мейерхольда, что фактически стало их курсовой работой. Специально для принстонской постановки известный переводчик Энтони Вуд подготовил новый вариант драмы Пушкина на английском языке. Премьера состоялась в апреле 2007 года в университетском театре. И тогда зрители впервые увидели спектакль на музыку Прокофьева, состоящий из 25 сцен, как это было в исходном варианте драмы Пушкина 1825 года.

Честно говоря, мы ждали премьеры с некоторым скепсисом. Мы думали, что увидим на подмостках принстонского театра «Берлинд», размеры здания которого, по местным меркам, оказались весьма впечатляющими, обычный студенческий спектакль. Первые сцены, по правде говоря, нас несколько ошарашили. Удивительно было видеть летописца Пимена и слышать знаменитую фразу «Еще одно последнее сказанье...» на английском языке, да еще и в исполнении афроамериканца, или лицезреть, как в свите русского царя появляются представители потомков жителей Африканского континента. В жилах Александра Сергеевича текла кровь Африки, но, конечно, он и помыслить себе не мог, что когда-то его «Борис Годунов» будет поставлен в столь далекой и тогда еще столь загадочной Америке. Но прошло всего несколько минут, и все сомнения развеялись. Студенты играли великолепно, и трудно было даже представить, что лишь у некоторых из занятых в спектакле есть сценический опыт. Основная же их часть училась на факультетах, профиль которых весьма далек от театра. Григория Отрепьева великолепно сыграл первокурсник Эдам Живкович, у которого, правда, за плечами было несколько лет сценического опыта и занятий с педагогами.

Премьера прошла с огромным успехом. Весь зал театра, вмещающий почти тысячу человек, был покорен буквально уже с первых минут, когда зрители увидели необычные декорации, и зазвучала удивительная музыка Прокофьева. Прекрасные рецензии опубликовали даже столичные газеты, а «Нью-Йорк таймс», отнюдь не щедрая на похвалы, посвятила этой постановке целых две хвалебные статьи. Приехали и тележурналисты из России, съемку вел Первый канал. Всего было сыграно четыре спектакля.

А теперь – о забавном совпадении. В зале мы столкнулись с мужчиной и женщиной, с которыми встречались всего месяцем ранее. И не просто встречались, а были у них в гостях в Принстоне и брали интервью. Благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств их места оказались прямо перед нашими. Впрочем, возможно, это было не совпадение, а вмешательство каких-то сил, учитывая то, какими исследованиями они занимаются... Роберт Джан и Бренда Данн долгие годы возглавляли в Принстонском университете лабораторию, которая изучала паранормальные явления.

Эта лаборатория обитала в недрах факультета инженерных и прикладных наук, не привлекая к себе особого внимания. Но в начале 2007 года было объявлено, что лаборатория закрывается, и стоило об этом написать газете «Нью-Йорк таймс», как на лабораторию обрушился шквал телефонных звонков и визитов. Интерес к лаборатории внезапно проявили и Би-би-си, и такие авторитетные научные журналы, как «Сайенс» и «Нейчур». Да и мы узнали об этой лаборатории только из этой публикации – и просто ахнули: сколько раз бывали в Принстоне, а о таком и не слышали.

Правда, узнать о ней было непросто, поскольку ранее газеты и журналы лабораторию предпочитали не замечать. Да и в самом университете о ней старались вспоминать не слишком часто, поскольку круг ее исследований явно лежал в стороне от столбовой дороги науки. Но в действительности лаборатория отнюдь не была безвестна. Ее хорошо знали люди по всему миру, поглощенные изучением таких бесспорных, по их мнению, феноменов, как телекинез и экстрасенсорное восприятие. В лаборатории в разное время работали несколько представителей России, и одна из книг, написанных руководителями лаборатории, была переведена на русский язык и издана в нашей стране под названием «Границы реальности». Лаборатория существовала на пожертвования и гранты от частных лиц, интересовавшихся ее экспериментами. Как нам сказали, в их число, в частности, входил основатель гигантской корпорации «Макдоннел-Дуг-лас» Джеймс Макдоннел. За время своего существования лаборатория, штат которой был не более пяти человек, получила в общей сложности примерно 10 миллионов долларов. Неоднократно навещали ее Лоранс Рокфеллер, князь Лихтенштейна и другие яркие фигуры из Европы и Азии.

Разыскать «подпольную организацию», официально именовавшуюся Принстонской инженерной лабораторией изучения аномалий, оказалось довольно просто – ее адрес был указан на сайте в Интернете. Между прочим, английская аббревиатура этого названия – PEAR (в переводе на русский «груша») порой становилась предметом шуток. Дозвониться оказалось легко, нас пригласили, и вскоре мы уже спускались на цокольный этаж. Нашли нужную дверь, открыли ее и замерли – на пороге нас встречала большая черная собака. Никакой мистики в этом, конечно, не было, замечательный лабрадор принадлежал руководителю лаборатории, бывшему декану инженерного факультета, профессору Роберту Джану. Вскоре появился и сам хозяин, а также менеджер лаборатории Бренда Данн, проработавшая в ней с 1979 года.

Наши ожидания увидеть современную технику с мириадами мерцающих лампочек и услышать гудение загадочных генераторов не оправдались. Мы сели с хозяевами на диван перед висящим на стене странным устройством, с которого, как можно понять, и начались исследования. Оно представляло собой огромную закрытую прозрачным пластиком кювету. В верхней стенке кюветы – отверстие, из которого с началом эксперимента начинают высыпаться 9 тысяч практически одинаковых шариков из полистирола примерно двухсантиметрового диаметра. Столкнувшись с произвольно установленными нейлоновыми штырьками, они летят вниз, где расположены многочисленные принимающие желобки. Смонтированные в них фотодатчики фиксируют поступление каждого шарика. Такие приспособления используют в институтах в начале курса теории вероятности для демонстрации так называемого распределения Гаусса. Шарик по-разному заполняет желобки – в центральные попадает максимум, а по мере приближения к крайним число попаданий сводится практически к нулю.

Как выяснилось, и диван – подобно его собрату из романа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» – часть эксперимента. На него усаживали «подопытного», то есть оператора, которому давалось задание сначала думать о том, чтобы в правые желобки попадало при падении больше шариков, в следующем случае (контрольном) не выражать никаких эмоций, а в третьем – сконцентрироваться на том, чтобы больше шариков оказалось в левой части кюветы. Результаты оказались странными. Получалось, что человек может влиять на ход процесса. Нет, это не означает, что стоит сосредоточиться, и вся кривая Гаусса сползает влево или вправо. Эффект составлял лишь какие-то доли процента, и можно было бы махнуть на него рукой, но он упорно повторялся вновь и вновь. Аналогичные результаты были зафиксированы в экспериментах и с более современным оборудованием, например, с электронным генератором случайных чисел. Проведены были тысячи опытов, собрана мощная статистическая база. Так что наличие какой-то систематической ошибки или инструментального дефекта исключается.

Почему эти результаты так важны? Если этот эффект проявляется при взаимодействии человека со столь грубыми механизмами, как установленные в его лаборатории, то может привести к неожиданным как положительным, так и катастрофическим последствиям при работе оператора с куда более сложными и чувствительными устройствами, будь то компьютеры или технические установки. Отбор операторов, которых были сотни, чисто случаен, и все они были обычными людьми, работавшими бесплатно. Никакой фиксации мозговой активности операторов не велось, поскольку в составе лаборатории не было соответствующих специалистов, да и профиль факультета не позволял заниматься чем-либо подобным.

Своей главной целью сотрудники лаборатории ставили сбор статистики, и эта задача была выполнена. Был накоплен огромный статистический материал, убедительно свидетельствующий о том, что человек силой мысли – пусть незначительно! – может вмешиваться в ход эксперимента. Каждый эксперимент был проведен так много раз, что об ошибке говорить уже не приходилось. И руководители лаборатории сочли, что она свою задачу выполнила, и объявили о ее закрытии. Ведь, по логике, продолжать дальше эти примитивные эксперименты уже не имело смысла – надо было искать объяснение выявленному эффекту. Сами они не являлись специалистами в затронутой их исследованием области и ждали помощи профессионалов. Профессор Джан, например, большую часть жизни посвятил разработке и усовершенствованию ракетных двигателей и является в этой области общепризнанным авторитетом. Виновником же его вторжения в неизведанную сферу стал студент, попросивший ученого стать научным руководителем его работы.

Однако университет никакого интереса к дальнейшим исследованиям не проявил. Мы спросили, не интересовались ли результатами военные. Оказывается, интересовались, и вся полученная информация была им должным образом передана, но никакой финансовой или иной поддержки военные, или какие-либо другие правительственные ведомства не оказывали. Коллеги-ученые, которые заходили, рассматривали результаты, выражали удивление и заинтересованность, потом говорили, что, дескать, нельзя же жертвовать своей репутацией ученого ради не пойми чего.

И тем не менее и после закрытия лаборатории исследования продолжают. Еще тогда, в 2007 году, Бренда Данн сказала нам, что вокруг PEAR уже выросло «грушевое дерево», но некоторые из его «листьев» держат свою принадлежность к нему в тайне. Эта группа единомышленников создала Международную лабораторию изучения сознания (ICRL), куда была передана основная часть собранной информации. Базируется это объединение там же, в Принстоне, однако уже не на территории университета.

Наша дружба с Принстоном продолжалась десять лет. Впервые мы приехали сюда в 1996-м, когда только начиналась наша первая командировка в США, а прощались с ним в августе 2007-го. Погуляли по любимым улочкам, побродили по университету, бросили монетку в фонтан у одного из его корпусов, поужинали и вернулись в гостиницу. Погода была замечательная, вечер был очень теплым, и мы сели на скамеечку. Быстро темнело, и наступил момент, когда сумерки уже вроде заканчивались, а ночь еще не наступила. И в этот короткий период времени вокруг нас вдруг одна за другой стали вспыхивать звездочки. Мы даже не сразу поняли, что это светлячки, зажегшие свои фонарики как по команде. Они вспыхивали и гасли, и вся трава и кусты вокруг были покрыты этим мерцанием. Продолжалось чудо совсем недолго, всего минут десять, а затем, как по команде, прекратилось. Таким вот неожиданным и сказочным салютом сказал нам Принстон «до свидания».

Глава 3. Ламбертвилль и Нью-Хоуп О «Мостах округа Мэдисон», поросятах и апельсиновых корках, старых медных сковородках и ценах на картины Джексона Поллока, французском кафе на реке Делавэр и грифах двух пород, о мулах в отпуске и пенсильванском вине...

Простите, что приходится вас беспокоить, но дело в том, что я ищу крытый мост, но никак не могу найти. Боюсь, что на данный момент я заблудился.

Роберт Джеймс Уоллер. «Мосты округа Мэдисон»

Наше следующее путешествие состоялось также благодаря все той же газетной рубрике «Путешествие на один день». Автор предлагал поехать в штат Нью-Джерси, в округ Хантердон. Он расположен в западной части штата, на берегу реки Делавэр, которая служит здесь границей со штатом Пенсильвания. Журналист с восторгом рассказывал об одном из крупнейших антикварных рынков Америки, о старой ферме – живом музее, о живописных каналах, об очаровательном городе Ламбертвилль с его многочисленными кафе, ресторанами и разными забавными магазинчиками, а также о единственном сохранившемся в штате Нью-Джерси крытом мосту.

Незадолго до этого мы посмотрели замечательный фильма Клинта Иствуда «Мосты округа Мэдисон», где фигурировали именно такие крытые мосты. Поэтому и появилась идея в ближайший же выходной отправиться искать этот мост. Нас тогда просто поразило, что он остался один-единственный в штате. Это уже потом мы узнали, что крытые мосты – это совсем не редкость и что в соседней Пенсильвании таких мостов больше 200, да и в штате Нью-Йорк – более 20, да и в Нью-Джерси он, кажется, все-таки не один. Он просто единственный в Нью-Джерси, сохранившийся еще с XIX века, – был построен в 1866 году. А в штате Айова, где происходит действие известной книги Роберта Джеймса Уоллера, по которой и был снят фильм, таких мостов шесть. Все эти мосты и мостики (некоторые из них совсем маленькие и напоминают скорее крытые пешеходные переходы), бережно сохраняются, и все они внесены в общенациональный реестр. К сожалению, охранять каждый невозможно, а вандалы есть и в Америке. В Айове, например, ставшие знаменитыми после выхода на экраны фильма мосты регулярно поджигают. Да и время берет свое – ведь построено большинство этих мостиков еще в XIX веке. Так что остается их все меньше.

Скажем прямо, несмотря на подробные инструкции, мост мы искали долго. А нашли совершенно случайно – оказалось, что небольшой деревянный туннель, через который мы проехали, и есть тот самый крытый мост. Скромное белое сооружение, именуемое Сергентвилльским мостом, больше всего похожее на грузовой вагон, висело над небольшим ручьем, почти полностью спрятанным в зелени. Мы немного побродили вокруг него, сфотографировали, посетовали, что в кино все всегда смотрится как-то эффектнее, и поехали дальше.

А дальше наш маршрут вел в городок Ламбертвилль. История его довольно необычна. В начале XIX века возникла идея доставлять уголь с севера-востока Пенсильвании в Нью-Йорк. Для этой цели была построена сложная система каналов, включавшая в себя и два вспомогательных канала по обе стороны реки Делавэр. Все было вырыто вручную – для этой работы было нанято 4 тысячи ирландских иммигрантов, многие из которых и нашли здесь свой конец во время эпидемии холеры. В 1834 году канал был открыт, и по его берегам пошли мулы,

тянувшие за собой баржи. Ламбертвилль быстро стал одним из центров всей этой системы. На берегу реки стали появляться одна за другой кирпичные здания фабрик, производивших самые разные товары. Город процветал до тех пор, пока канал был главной транспортной артерией, а когда основным средством сообщения стали грузовики и железные дороги, город начал тихо умирать. И на некоторое время он превратился в бедного родственника своего соседа – городка Нью-Хоуп, расположенного на другой стороне реки Делавэр.

Кстати, в XVIII веке оба города именовались одинаково: Кориэл'с Ферри (т. е. Паром Кориэла, по имени его владельца). А свое нынешнее необычное название, означающее в переводе на русский язык Новая Надежда, город получил после сильных пожаров, уничтоживших в том числе и несколько мельниц. Надежды на возрождение города и дали новое название. В XX веке Нью-Хоуп сумел превратить себя в туристический центр, а вот Ламбертвилль, несмотря на близкое соседство, переживал нелегкие времена. Однако в 70-х годах и этот город нашел свою нишу – здесь, в зданиях тех самых заброшенных фабрик, стали открываться художественные галереи и антикварные магазины, сюда стали переезжать жить художники, и Ламбертвилль обрел славу центра искусств. Оказалось, что немало интересного есть и поблизости, в других городках – и на берегу Делавэра сложился новый туристический центр.

Но по дороге в Ламбертвилль мы решили заехать в расположенный рядом необычный музей под открытым небом. Называется он Howell Living History Farm. Это «живой» музей – настоящая ферма, существующая с 30-х годов XVIII века, хозяйство в которой ведется так, как это было в Нью-Джерси на рубеже XIX–XX веков. Последняя владелица – Инес Хоуэлл – подарила ферму округу Мерсер с просьбой создать здесь музей. В своем завещании она написала, что хотела бы видеть на этом месте «живую историческую ферму, где посетители и особенно дети могли не только увидеть, как жили в давние времена, но и попробовать это самим – подоить корову, собрать яйца в самодельную корзинку, расчесать шерсть, прясть и ткать».

Завещание Инес Хоуэлл выполнено – ферма жива и процветает, и каждый приехавший сюда может увидеть, как пашут на конях-тяжеловозах, как варят кленовый сироп, взвешивают свиней, собирают мед. На сайте музея публикуется график сельскохозяйственных работ, и каждый желающий может приехать и посмотреть (или поучаствовать). На тот выходной, когда мы собрались в Нью-Джерси, была назначена стрижка овец. Барана по имени Винсент стригли огромными старинными ножницами, очень аккуратно. И пока он оглашал окрестности жуткими криками, явно намекая то, что его собираются зарезать, служитель музея пояснил, что столь осторожно стригут только овец, у которых есть имя. Остальных стригут потоком, и там уже не до деликатности. Однако, несмотря на все меры предосторожности, Винсента все-таки слегка задела ножницами, он поднял страшный крик, и все бросились оказывать ему первую помощь. Потом две замечательные овчарки устроили представление, продемонстрировав, как надо загонять овец. И еще нам разрешили подержать на руках маленьких ягнят. Мы погуляли по ферме, встретились с местным кузнецом по имени Антон, купили у него выкованную им ложку. Погладили лошадей, познакомились с амбарными кошками, полюбовались на быков. Но подлинной звездой этого дня для нас стал поросенок, который с аппетитом обедал – причем в его миске лежали апельсиновые корки, что, на наш взгляд, было некоторым отклонением от сельскохозяйственных технологий XIX века. Тем не менее, поросенок был явно в восторге, и, покончив с обедом, он чинно прошествовал к персональной луже, где и улегся, подставив бок солнцу. И нам стало ясно, что мы стали свидетелями настоящего поросячьего счастья.

Как-то сразу стало понятно, что и нам бы тоже неплохо было подкрепиться. Чашка кофе, конечно, ни в какое сравнение с апельсиновыми корками не идет, но и она, если появляется вовремя, всегда кстати. Но чашка кофе ждала нас где-то в Ламбертвилле, а нам надо было заехать в еще одно замечательное место – антикварный рынок Golden Nugget, т. е. «Золотой самородок». А закрывается этот рынок, который работает три дня в неделю, довольно рано.

«Золотой самородок» существует с 1967 года и считается одним из крупнейших на Восточном побережье США, да и вообще в Америке. Сюда по средам, субботам и воскресеньям съезжаются торговцы со всех близлежащих штатов. Есть и такие, кого всегда можно застать здесь, а некоторые появляются только изредка. Ассортимент товара одних чрезвычайно разнообразен, а другие торгуют товарами какого-то одного направления. При этом надо учитывать, что понятие «антиквариат» в США отличается от европейского – для американцев и 60 лет древность. Здесь много книг, картин, посуды, украшений, а также всякой домашней утвари. Нас поразили прилавки, где были разложены многочисленные замки и ключи, а также замочные скважины самого диковинного вида. Другой постоянный продавец специализировался исключительно на женских брошках – они были разложены у него по периодам. Вот брошки 40-х и 50-х годов – здесь преобладают цветочные мотивы. Вот пошли 60-е годы, и появились телефоны и самолеты, а в 70-х преобладали всякие зверушки. Был самый разгар дня, но многие продавцы уже начинали складывать свой товар. Стали собираться и мы, и тут у выхода наше внимание привлек прилавок со старой посудой. С краю, горделиво сверкая на солнце, стояли медные чайники, сковородки, кофейники и разные другие посудины не совсем понятного назначения. Стоила эта красота хотя и не очень дорого, но и не дешево, однако хозяин уже собирался покинуть рынок и, видимо, решил, что пора расстаться с этим товаром. В общем, цену он сбросил быстро, и вскоре мы покидали рынок, прижав к груди старинный пузатый медный чайник и две роскошные медные сковородки.

Вот тогда-то, наверное, мы и открыли для себя в Америке замечательное развлечение. Те, кто не любит старые вещи, нас не поймут. Это счастье только для тех, кто любит копаться в старых книгах и вещах в поисках сокровищ. Кстати, среди американцев таких немало. И в Америке существует немало мест, где можно погрузиться в мир старых вещей. Во-первых, антикварные магазины. Причем речь не идет о дорогих магазинах в центре Нью-Йорка, а о крохотных магазинчиках в небольших городках. Цены там невысокие, а находки могут быть совершенно неожиданными. В Ламбертвилле таких магазинов множество – заходи, смотри. И никто не осудит тебя, если ты ничего не купишь. Кроме того, существуют еще блошинные рынки – flea markets. Работают они, как правило, только в выходные. И тут можно провести целый день, потому что некоторые такие рынки занимают огромную площадь. Но удачные находки здесь на самом деле редкость, потому что сюда привозят много барахла – типа бракованных маек или джинсов. Есть еще такое явление, как yard sale. Это когда хозяин вдруг решает, что в доме много лишних вещей, и просто выносит их на лужайку перед домом. И ставит табличку с надписью «Yard sale». Проезжающие мимо останавливаются, копаются в вещах, что-то выбирают. Цена обычно символическая – большинство вещей можно купить за доллар-два. Вот здесь можно натолкнуться на самые неожиданные и даже очень ценные вещи. У ярд-сейлов есть несколько модификаций – типа moving sale, когда вещи распродают в связи с переездом. Или вот estate sale – это когда люди быстренько распродают ненужные им вещи, доставшиеся в наследство. Попадают здесь иногда действительно ценные вещи, о реальной цене которых наследники и не подозревают. О таких распродажах заранее часто печатают объявления в местных газетах.

Но весьма распространена в Америке и такая вещь, как thrift shop. Исключительно, на наш взгляд, вещь полезная и интересная. Это – благотворительные магазины, куда американцы сдают все вещи, которые им не нужны. Там их сортируют и выставляют на продажу за символическую цену. Принадлежат эти магазины, как правило, крупным благотворительным организациям типа Армии спасения или Goodwill, но есть и одиночные, работающие на какой-нибудь фонд или организацию. Польза от таких магазинов огромна. Во-первых, там вполне могут одеваться и обзаводиться хозяйством самые бедные американцы. Остальные с радостью пользуются возможностью избавиться от лишних вещей. Причем, сдавая вещи, можно взять квитанцию и получить потом налоговые вычеты. Ну и, кроме того, в этих магазинах можно

просто походить, посмотреть и покопаться, потому что вещи сюда попадают самые разные – картины, книги, посуда, мебель, техника и даже ювелирные украшения.

Честно говоря, мы не сразу поняли, что такое thrift shop. Достаточно долго мы считали, что это – просто благотворительные магазины для самых бедных. Открыла глаза нам жена одного из наших корреспондентов, долго жившая в США. Как-то мы ехали вместе с ней на машине, и вдруг она решительно сказала: «Ребята, справа thrift shop – надо остановиться». Это потом мы были ей страшно благодарны, а тогда, честно говоря, предложение зайти в такой магазин несколько нас шокировало. Нам казалось, что заходить в такие магазины просто стыдно. Но мы зашли и были потрясены. Как раз бедных покупателей в нем не было совсем. В отделе одежды вообще никого не было, зато несколько человек разглядывали картины на стенах и книги на полках. Прекрасно одетая дама внимательно изучала бокал из тонкого стекла. Потом и мы стали постоянными посетителями таких магазинов и увидели, какая почтенная публика заходит в эти заведения в поисках сокровищ. Постоянные покупатели здесь, например, букинисты. Как-то раз мы оказались у книжных полок рядом с двумя почтенными представителями этой профессии, которые внимательно исследовали выставленные книги, сетуя при этом на то, что Интернет губит их бизнес. Люди перестают ходить в букинистические магазины, а предпочитают покупать книги на букинистических сайтах. Довольно часто видели мы молодых ребят и девушек с длинными списками в руках. Это – так называемые букскауты, прочесывающие благотворительные магазины по заданию букинистов. А нередко видели молодых людей, сидящих на полу с компьютером – эти ребята сами продают книги через Интернет. Они берут заинтересовавшую их книгу с полки и смотрят, за какую сумму ее можно продать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.